

УДК 811.111

ББК71 81. 2Англ-9

Т.А. Комова

Автор и его герой как проблема идентичности

Аннотация:

В предлагаемой статье рассматривается актуальная для современного читателя проблема идентичности реальной личности (писателя), и созданного им литературного персонажа, на материале англоязычной и русской литературы XIX века. Привлекая разнообразный материал словарей языка и культуры, энциклопедий и специальной литературы, становится возможным раскрыть причины душевного дискомфорта как литературных героев, так и их создателей, что позволяет поставить вопрос о необходимости внимания к психологической идентичности индивидуума - проблеме в высшей степени актуальной в межличностном общении современного социума.

Ключевые слова: еще раз об идентичности, автор в терминах идентичности, литературный герой как отражение личности автора на материале англоязычной и русской литературы XIX в.: Ч. Диккенс, Э. Дикинсон, Э. А. По, И.С. Тургенев.

Об авторе: Комова Татьяна Андреевна, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета; эл. почта: prof-komova@yandex.ru.

Самоидентификация:

И.С. Тургенев: «я стар и слишком долго живу на Западе».

E. Dickinson: «*I'm - Nobody! Who are you? Are you – Nobody – Too?*»

Edgar Allan Poe: «*We can but die together. It is no use to reason with me now. I must die*».

Ch. Dickens: «Я хороший отец всем детям моей фантазии»

В рамках курса лингвокультурологии произведение художественной литературы рассматривается как образец языка своей эпохи, а его автор как лучший представитель своего времени и литературного направления. Преподавание и изучение английского языка в иноязычной среде/аудитории не может не опираться на эту традицию. Однако в контексте межличностной/межкультурной коммуникации нас больше интересует не социальный портрет литературного персонажа, а его психологический портрет в корреляции с психологическим портретом своего автора. Проблема идентичности личности изучается на материале многих жанровых разновидностях дискурса, но особый интерес для специалистов и молодых читателей лежит в сфере личностных отношений писателя с современниками и писателя со своими молодыми героями. И круг чтения становится кругом общения, что актуально для формирования аналитических навыков восприятия и оценки языка и культуры в современных условиях глобализации не только экономических, но и морально-нравственных отношений [5, 5 – 6, 8 – 9].

«*Identity*» обычное слово в словаре и определяется через «*who someone is: someone's name (is still unknown), the qualities you have that make you feel you have your own character, etc.*». [16, 706], там же находим устойчивые словосочетания: «*sense of identity*», «*ethnic/cultural/ social identity*». В учебных курсах по лингвокультурологии, в том числе, по сопоставительной лингвокультурологии США, Великобритании и России, особое внимание обращается на такой сложно-структурированный концепт, как *IDENTITY* [5, 20 – 22; 1, 129 – 148, 200 – 209]. Наше понимание

личности и ее особенностей в социуме начинается с понимания личного имени, которое присваивается при рождении, или изменяется по прихоти самого человека по мере взросления. Существуют социально значимые ситуации, когда смена имени обязательна, во многих культурах для женщин, вступающих в брак, для особ, занимающих самые высокие должности в церковной иерархии, в случае престолонаследия, смены гражданства и т.п. Особый интерес для исследователей литературы в контексте культуры приобретает процесс присвоения имени литературным персонажам. И для реальных людей и литературных героев существует мода на имена, об этом написано много интересных исследований, особенно в последнее время [6, 65 – 76; 7, 64 – 79].

Например, в книге графа А.С. Уварова (1825 – 1884), одного из основателей Российского Исторического Музея в Москве, «Христианская символика» в главе 1 справедливо упоминается о том, что в эпоху раннего христианства сохранялась практика укрывания имени, обусловленная случаями преследования за веру: «Я припомню только любопытные сведения, доставленные христианскими надписями. Из них мы видим, что имя личное служило ярким отпечатком положения лица, носившего его, и вместе с тем было верным отголоском тех преданий и даже предубеждений, которыми характеризовали языческое общество первых веков христианства» (приводится в современной орфографии) [10, 1].

Так в послании апостола Павла к римлянам читаем о таких его сподвижниках, как “*greet Rufus; greet Phlegon; greet Philologus,*” а завершается послание специальным упоминанием того, кто записал это послание: “*Tertius who wrote down this letter, greet you in the Lord* [14, 829]. Эти имена сами говорят о себе, напоминая о внешности человека, его горячем нраве, его любви к слову и знанию или о том, что он родился третьим ребенком в семье. Заметим только, что имя Rufus было прозвищем, но с течением времени приобретает помету “английское” и широко употребляется в XIX в. [RUFUS, 21, 290; 20, 410].

В художественной литературе создателем своего героя является сам писатель, это «дитя его фантазии», Так, в романе Ч. Диккенса «Оливер Твист» есть строки, которые не могут оставить равнодушным читателя, независимо от его национальной принадлежности или возраста:

“The child that was half-baptized Oliver Twist, is nine year old today”

“Bless him!” interposed Mrs. Mann...

“We have never been able to discover who is his father, or what was his mother’s settlement, name or con-dition.”

Mrs. Mann raised her hands in astonishment, “How comes he to have any name at all, then?”

The beadle drew himself up with great pride, and said, “I invented it. We name our fondlings in alphabetical order. The last was a S, this was a T, – Twist I named him” [13, 8].

Ситуация, описанная великим гуманистом и реалистом Ч. Диккенсом, как нельзя лучше дополняет толерантную словарную информацию о его времени и нравах. Мальчика 9 лет, сироту надо «продать», ведь он уже может приносить доход низшему чину сиротского приюта, и такое объявление будет висеть на воротах этого воспитательного учреждения. Этимология имени Оливер тоже интересна, в ней заложена подсказка к пониманию самого поведения ребенка – Oliver имя общегерманского происхождения, впервые в литературе присвоено спутнику Роланда в «Песне о Роланде» (*Chanson de Roland*), из лат. ‘*olivarius*’ – оливковое дерево. Герою Песни о Роланде свойственна горячность и напористость, а его приятелю – задумчивость и осторожность [21, 255]. В романе Ч. Диккенса Оливер проявит твердость характера и неуступчивость в общении со своими угнетателями, мягкость и доверие в *общении* с верными друзьями его матери.

Как мы видим, на первом месте имя, затем другие характеристики, важные для нашей личной идентификации и самоопределения в терминах культуры и социального положения. В своей «Лингвистической энциклопедии» Д. Кристалл в Части 2 “*Language and Identity*” выделяет такие стороны идентичности, как “*physical identity, psychological identity, geographical identity, social identity and contextual identity*” [12, 18 – 48], рассматривая все эти ипостаси с точки зрения того языка, которым люди владеют от рождения или специально изучают. Для англичан, он пишет, французский язык звучит не так, как немецкий: первый романтичнее, а второй говорит о деловитости его носителей. Сказав о традиционных интересах психологии во всем, что касается наших интеллектуальных и других способностей, Д. Кристалл замечает, что с взрослением

личности становятся относительно постоянными языковые характеристики индивидуума, не всегда точно соотносимые с характеристиками стиля в стилистическом исследовании, например, в случае установления авторства [12, 32]. Он справедливо подчеркивает, что всем сказанным о нашем интеллекте, памяти и т.д. не исчерпывается ресурс психологии и психолингвистических исследований. В данном сообщении именно это замечание взято за отправную точку в презентации материала.

Как было уже сказано, в учебном процессе мы традиционно используем произведения художественной литературы, сегодня наравне с публицистическим дискурсом, политическим дискурсом, материалами газет и Интернет-сайтов. Обратимся к именам, сохраняемым для читателей «Словарями языка и культуры»:

Чарльз Диккенс (1812 – 1878): «*an English novelist, was and still is-considered by many to be the greatest one of all. His many famous books describe life in Victorian England and show how hard it was for the poor and for children*». [17, 350]. Викторианская Англия! – с намеком не обвинять ее Величество королеву за издержки социальной системы и развитого капитализма. Словарь фактологичен и толерантен, далее следует замечание, что «*his Dickensian style*» сочетал а) «*unpleasant dirtiness of Victorian England*», б) «*cheerfulness of Victorian amusements and customs*» [17, 351].

Эдгар По (1809 – 1849) – «*an American poet and writer of short stories. He wrote DETECTIVE stories (специально выделено в словаре), about death and the SUPERNATURAL*» [17, 1012].

Для романтического направления от Анны Рэдклиф (готический роман) до Мэри Шелли (начало XIX в.) любовь, красота и смерть шли рука об руку, в Новом Свете Эдгар По полагал, что смерть красивой женщины поэтичнее всех тем: «*is unquestionably the most poetic topic in the world – and equally IT IS BEYOND DOUBT THAT THE LIPS SUITED FOR SUCH A TOPIC are those of a bereaved lover*» = <*recently died*> [15, 83; 22, 480–490]. В своих литературно-критических статьях Эдгар По подчеркивает насколько важно для него различать понятия красоты (Beauty) и прекрасного (The Beautiful): “When, indeed, men speak of beauty they mean precisely not a quality, as is supposed, but an effect – they refer, in short, just to that intense and pure elevation of soul – not of intellect, or of heart...which is experienced in consequence of contemplating “the beautiful”. Уже в названиях статей Э. По “Philosophy of composition” и “The poetic principle” определяется особое значение этих понятий как принципов творчества [22, 483; 494 – 495]. Исследователи творчества Э. По подчеркивали значение формы в процессе создания произведения, музыкальности самого слова, способного вызывать у слушателя и читателя “*suggestions induced by dreamy situations accompanied by affective verbal tones*” [22, 114]. По их мнению “*Poe’s victimized men sought vast and arcane knowledge,... searched for the secrets of life itself in ideal love’s eyes*” [22, 6]. Эти два слова как два ключевых понятия Love и Life определили смысл его жизни, утрата любви, смерть любимой женщины делает бессмысленным физическое существование гениального, но психологически слабого – “*opium-eater*” в 1849 г.

И наконец, обратимся к Эмили Дикинсон, поэтессе и затворнице (1830 – 1886), которую называли «*The Belle of Amherst*» [17, 351]. В антологии американской поэзии и прозы – *A nineteenth-century American Reader* – отдельная глава посвящена творчеству Э. Диккинсон, как бы заранее многое объясняющая: мотивы ее творчества и мировидение. И ниже мы приводим ее текст – opus 324 (*Chapter 7. Reflections of a sensitive recluse*) [19, 196 – 197]:

*Some keep the Sabbath going to Church –
I keep it staying at Home -
God preaches, a noted Clergyman –
And the sermon is never long,
So instead of getting to Heaven, at last –
I’m going, all along.*

Что же могло заставить молодую женщину провести 25 лет своей творческой жизни вдали от мира века девятнадцатого, в котором было столько форм развлечения и веселья, о которых мы читаем в словарной статье о Ч. Диккенсе, а ведь они современники. И Америка века девятнадцатого полна примерами вояжей в Европу и наоборот, достаточно только вспомнить американских персонажей «Саги о Форсайтах» Джона Голсуорси и многих других. И так, на Британских островах

и за океаном царило странное настроение, невзирая на технологический и финансовый бум, мрачности и уныния («grim and gloom»). Как мы узнаем, затворница “a sensitive recluse” воспитывалась в ортодоксальной семье и училась в духовной семинарии: “Raised in a household that was strongly dominated by her austere, orthodox father, she was touched by liberalizing influences of Western literature, ... books given by her friends who interested themselves in her impudent and witty mind [19, 196].

И мы находим вопрос и ответ в поэтических строчках Э. Дикинсон: “I’m – Nobody! Who are you? Are you – Nobody – Too?” И сама она отвечает, тогда нас двое и не так страшно перед толпой [18, 61]. Для Э. Дикинсон поэтизация родной природы как форма внутренней, психологической рефлексии была и формой социального освобождения, внутренней независимости.

Обратимся к русскому авторитету в литературном процессе, И.С. Тургеневу (1818 – 1883). Все тот же XIX век, И.С. Тургенев – мастер стиля, близкий знакомый семьи Л.Н. Толстого, который отрицательно к нему относился и отрицательно высказывался как о плохом человеке и не джентльмене. После многих исследований концептов культуры и национальной (Британской и Американской) картины мира, мы как-то уже сошлись во мнении, что джентльмен – это человек чести, человек слова, особенно по отношению к прекрасной даме или женщине в принципе. Литературная энциклопедия не проливает света на эту оценку одним великим писателем другого великого писателя: «современники Тургенева восхищались его даром слова, слияния трезвой прозы с обаянием поэзии, суровости реализма с полетом фантазии. [2, 44 – 45]: «...факты сами по себе мало занимают его. Он видит их лишь сквозь душу человеческую»; «...Тургенев – первый русский писатель прошлого века, чьи произведения были широко известны на Западе. В его творчестве проявилось интенсивное сближение русской и западноевропейской литератур» [2, 49 – 50].

Сам писатель замечает: «я слишком стар и слишком долго живу на Западе, чтобы угадать нового героя и найти точные слова для его, героя, описания». Действительно в его романах «Новь», «Дым», «Рудин» появляются новые герои и героини, и среди них Марианна, фигура романтическая, полная энтузиазма и готовая «дело делать». В реальной жизни была Мария, сестра Льва Николаевича и жена графа Валериана Толстого. Иван Тургенев увидел ее в Покровском, подмосковном имении, куда наезжал часто именно, чтобы сблизиться с Львом Толстым и пробиться в издательства, для чего нужны были (как и всегда) связи. Красота и неискушенность молодой женщины, отрицавшей поэзию, заставляют Ивана Тургенева заняться ее воспитанием и просвещением: чтением А.С. Пушкина, обсуждением каждого нового номера литературного журнала и т.п. Он увлекается Марией Толстой и это смущает семью, которая находится в ожидании положительной развязки-предложения руки и сердца. И.С. Тургенев публикует свои «Девять писем» (или ФАУСТУС) и все, включая Марию, узнают ее и себя в этих письмах. Из переписки братьев Николая и Льва Толстых, друзей и издателей, что развязка неминуема. И.С. Тургенев пишет в Покровское из Москвы, из Петербурга, Он нежен и внимателен, как и положено влюбленному человеку. Наступившая зима заставляет И.С. Тургенева удалиться в Париж для возобновления другой переписки с Полиной Виардо. Мария Толстая уходит от мужа и от мира, в монастырь и проведет все долгие годы своей жизни в молитвах и размышлениях. Ее великий брат посетит ее только один раз в 1910 г. Она покинет мир в 1911 г. [3, 176 – 184].

Что это? Эпизод, давший писателю новый сюжет, или нечто иное. Посмотрим на роман «Отцы и дети», в нем есть Анна Сергеевна Одинцова и возмутитель спокойствия Евгений Васильевич Базаров. Одинцова старается расшевелить внешне спокойного и равнодушного Базарова. Прогулки, гербарии, разговоры о науках, о том, что волнует Базарова и молодежь, составляют содержание 15 дней, проведенных Базаровым в имении Одинцовой. Они увлекаются друг другом, Базаров страстно, о чем и сообщает, Одинцова испуганно, поскольку это увлечение угрожает ее спокойствию. Вечером уже в постели, на шелковых простынях и подушках, она повторяет, что стара и что «этим нельзя шутить, спокойствие все-таки лучше» и нам слышится голос самого Ивана Тургенева, убежавшего от любви в Париж, к его удобствам и удовольствиям, и новым литературным замыслам. В своих письмах в Россию он также упомянет о возрасте. [9, 104; 3, 178].

В романе «David Copperfield (1850 г.) Ч. Диккенс опишет эпизоды своей реальной биографии. Мэри Биднелл – молоденькая дочь лондонского преуспевающего банкира и музыкантша, слишком молода, чтобы самой принимать решения о своем будущем. Семья против

ухаживаний и притязаний молодого журналиста без копейки за душой, без профессии – будущего великого писателя Ч. Диккенса. Он тоже описал этот период в их реальной частной жизни в упомянутом романе так, чтобы она узнала себя как Дора. В романе «Крошка Доррит» он опишет ее как Флору. Она узнала и написала о своих чувствах и готовности быть с ним, начать всё сначала (1855г.) Начинается переписка, в течение трех месяцев они открывают свои сердца друг другу, и он назначает ей свидание. Она мать 6 детей и супруга, а он муж и добрый отец. Но ошибка была сделана в молодости, и они хотят ее исправить. После 24 лет разлуки великий писатель пережил эмоциональный шок и потрясение. На встречу пришла другая Мэри, уже немолодая женщина, мать и супруга. Он пообещал вскоре увидеться и написать, но не написал, не отвечал на её письма и без объяснений уехал в спасительную Европу, тоже, видимо, за новым сюжетом для небольшого или большого романа [4, 293–303].

Исследователь творчества Ч. Диккенса Гилберт Кит Честертон напишет, что «нельзя представить себе ни Диккенса, ни его жизни, пока не поймешь царившего тогда демократического оптимизма – веры в простых людей... Если демократия разочаровала вас, пусть она запомнится вам не как лопнувший мыльный пузырь, а как разбитое сердце, как старая любовь». Завершая 1 главу биографии писателя, Гилберт К. Честертон провозглашает, что для правильного понимания всего значения мастерства и поэтических приемов Ч. Диккенса, надо отказаться на время от радостей пессимизма и согласиться с его призывом: «Оставь отчаянье, сюда входящий» [11, 26].

Американский писатель и поэт Э.А. По очень молодым потерял свою «возлюбленную», мать приятеля–одноклассника. В 17 лет он готов тайно жениться на Саре Ройстер, так как согласие дяди не было получено, и бедный студент, весь в долгах, записывается в Армию и готов сражаться за свободу и независимость Польши (почти в Байроническом духе). [4, 263-270]. Перед отправкой он заглянет к сестре своего дяди и увидит кузину Виргинию 7 лет. Виргиния станет его музой. Через 7 лет, в мае 1836 г. они поехали путешествовать как муж и жена, но смогли официально повторно оформить брак, только когда она станет совершеннолетней, а ему будет уже за 30 лет. И опять жизнь вне общества, без всякой помощи от семьи, перебиваясь случайными заработками. Только в своей любви он черпает вдохновение и сюжеты. Любовь и смерть – две его музы. Виргиния, умирающая от чахотки на жалком матрасе без одеяла в жалкой лачуге – его Аннабель Ли, Лигейя, Элеонора. Что же обессмертил поэт в образе своей возлюбленной: тихий мелодичный голос. А смерть день за днем была рядом, и рядом был поэт, любящий свою Виргинию все больше с приближением смерти. Смерть подстегивала его художественное воображение, и читать его строки тяжело – они музыкальны, мелодичны и профессионально безупречны как *The darker side of human e* реквием: *«art should have no moral or social lesson to teach»* [19, 175;22, 252; 264]. Не случайно статья о нем и его портрет помещены в главе *“The darker side of human experience”*.

В письме к Марии Клемм, матери Виргинии (и его матери после женитьбы на кузине) в 1835г. и позже в июле 1849 года, а это последний год его жизни, он жалкий бродяга, нищий напишет о той любви, которой ему не хватало всю его жизнь, а его сердце так хотело любить: *“The joy of seeing you will almost compensate for our sorrows. We can but die together. It is no use to reason with me, now I must die. You have been all in all to me, my darling, ever beloved mother, my dearest, truest friend”* [23, 340; 349]. Он не случайно употребляет слово *compensate* – ему не хватало многого в реальной жизни: своего дома, финансовой поддержки дяди, друзей и издателей [23, 338– 339; 343]. Поэт также прямо говорит о том, что притягательно в любимой женщине: *“She (in ‘The Oval portrait’, 1842) was humble and obedient and sat meekly for many weeks in the dark high turret-chamber where the light dripped upon the pale canvas only from overhead’* [23, 212 – 213]. Как мы знаем, как только краски на портрете ожили, невеста умерла. «Овальный портрет» напоминает читателю «Портрет Дориана Грея», но для Э. По портрет заменил живую любовь, а Дориан «убивая» портрет, убивает свою душу, так что мрачность и уныние 40-х годов не рассеялось к концу века XIX.

В письмах к Виргинии, умиравшей от чахотки (1846), Елене Уитмен после прогулки на кладбище (1848) и Анни Ройстер, с которой он был тайно помолвлен в 1826 г. (1848) Э. По упомянет о чертах, привлекавших его в любимых им женщинах: преданность, понимание, дающее ему возможность «обнажить свое сердце». Первое впечатление для него самое важное: «вы вошли в комнату, бледная, колеблющаяся... и я увидел, что вы Елена – моя Елена - Елена тысячи снов...». Его аргументы идут от сердца, он обещает заботиться и убаюкивать любимую, а если бы она умерла,

то «он сжал бы ее милые руки в смерти и охотно снизошел бы в ночь могилы». Он ждет согласия стать его женой, что сможет «обратить Землю в Небо» [8, 283 – 300]. И это написано реальному адресату, это не элемент художественного вымысла.

Итак, всем нашим авторам не хватало счастливой материнской любви, по разным причинам, они пытались компенсировать ее отсутствие в жизни любовью женщины и любовью к женщине. Они побеждали внешне, для внешнего мира, добивались успеха, независимости, но не душевной гармонии в терминах личности и ее идентичности, они жили раздвоенной жизнью внутренне и внешне и заставляли страдать своих литературных «я».

Библиографический список:

1. Актуальные проблемы английского языкознания: Сб. науч. статей. К юбилею профессора О.В. Александровой/ Под ред. Т.А. Комовой и Д.С. Мухортова. – М.: МАКС Пресс. 2012. – 396 с.
2. История всемирной литературы. В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. имени А.М. Горького. – Т.7. – М.: Наука, 1990. – 830 с.
3. Киреев Р.Т. Новеллы о любви. Русский Парнас. – М.: 2002. – 560 с.
4. Киреев Р.Т. Новеллы о любви. На окрестных холмах. – М.: 2002. – 508 с.
5. Комова Т.А. Введение в сопоставительную лингвокультурологию (на англ. языке): Курс лекций. М.: Книжный Дом «Либроком». 2016. – 124с.
6. Комова Т.А., Гарагуля С. И. Имя личное в англоязычном культурно-историческом пространстве: Учеб. пособие. – М.: Книжный Дом «Либроком», 2012. – 160с.
7. Комова Т.А., Гарагуля С.И. (отв. ред.) Языковая личность: от слова к тексту (колл. монография). – М.: Книжный Дом «Либроком», 2013. – 245с.
8. Любовь в письмах выдающихся людей XVIII XIX века (репринтное издание 1913года). – М.:1990. – 574с.
9. Тургенев И.С. Отцы и дети. – Екатеринбург, Фактория, 2002. – 406с.
10. Уваров А.С. Христианская символика (издано впервые1908). – М.: ПСТГУ, 2001. – 239с.
11. Честертон Г. К. Чарльз Диккенс. – М.: «Радуга», 1982. – 204 с.
12. Crystal David “The Cambridge Encyclopedia of Language”. CUP, 1987. – 471 p.
13. Dickens Charles “Oliver Twist”, Oxford World’s Classics. – Chancellor Press, 1985. – 443 p.
14. Holy Bible. New Evangelical Translation, New Testament/ Новый Завет//by NET Publishing. Cleveland, 1993. – 1288 p.
15. Literature (ed. Interpreting by Knickerbocker K. L. and Reninger H. Willard), 4th edition. – USA, 1960.- 892p.
16. Longman Dictionary of Contemporary English, Longman Group Ltd, 1995. –1668 p.
17. Longman Dictionary of Language and Culture, Longman Group Ltd, 1992. –1526 p.
18. McRae John Boardman Roy Reading between the lines - CUP, – 1995. – 120 p.
19. Nineteenth-Century American Reader A /ed. by M. Thomas Inge –Washington, DC. – 745 p.
20. Oxford Concise Dictionary of English Etymology (ed. by T.F. Hoad).OUP,1990,-552 p.
21. Oxford Dictionary of first names (DFN) by Hanks P., Hodges F., OUP, 1990. – 442 p.
22. Poe E.A. Philosophy of Composition//The Literature of American Renaissance (ed. by Burbank Rex, Moore Jack). USA, 1969, p. 480–490.
23. Poe E.A. Prose and Poetry. М.:”Raduga”, 1983. – 416с.
24. The Literature of American Renaissance (ed. by Burbank Rex, Moore Jack).USA, 1969. – 610 p.

Komova T.A. Author and his hero as a problem of identity

In the present paper attention is drawn to the topicality of the concept of Identity viewed as the problem of psychological compatibility between the literary characters and their creators in the Language and Culture Literary contexts of the XIX c. The English /Russian language materials carefully chosen and supplied with necessary dictionary entries and contextual references make it possible to trace back the

motivation and reasoning of discomfort in both literary characters and writers and raise a question of psychological integrity compatible with sagacity in the sides above mentioned so that we could provide ourselves with plentiful food for thought aimed at cultivating better understanding and tolerance in the world we live today.

Key words: Personal identity updated, the best representatives of English/ Russian language and culture, idols and ideals in love and life, identity of a literary character as a reverberation of personal integrity and sagacity of a writer: Ch. Dickens, E. Dickinson, E. A. Poe, Ivan Turgenev.